

родственница ученого — Н.В. Нестерова, сохранившая редкую фотографию фольклориста; Т.Д. Зырянова, доцент Иркутского университета, которая в своей семье с детства слышала о Г.С. Виноградове; писатель Н.К. Зарубин, уроженец Тулуна, не покидающий свою малую родину; Л.К. Трапезников, заслуженный учитель России, почетный гражданин Тулуна, нарисовавший в своих видеовоспоминаниях интересную картину парка отдыха в провинциальном Тулуне 1930-х гг. И здесь же традиционная для фольклорно-этнографических фильмов зарисовка — хранилище родниковой народной речи и фольклорной культуры Л.Т. Улыбкина. Уместными, на наш взгляд, оказываются и архивные кадры экспедиции Иркутского ансамбля аутентичной музыки, руководимого А.В. Рогачевским, и фрагменты, освещающие работу петербургской фольклорной студии «Карусель», и сказка «Курочка Ряба», рассказанная филологом и актрисой Л.Н. Иванищенко. Всё это позволяет убедиться, что связь времен не прерывается.

Не оставляет равнодушным музыкальное сопровождение фильма: «Причитание по детям» в исполнении солистки Иркутского ансамбля аутентичной музыки Ирины Минаевой (воспроизведение фольклорной записи 1985 г. из с. Красный Чикой Читинской обл.), музыкальная композиция «Странник» гитариста Михаила Соловьева и скрипача Германа Цоглы. Ненавязчивый музыкальный ряд отсылает все к той же Провинции.

В фильме естественным образом возникают темы, связанные с местом тех или иных ученых в жизни Г.С. Виноградова. Обозначены, например, его дружеские отношения с Сергеем Николаевичем Дурьиным (1886–1954), известным богословом, литературоведом, поэтом, педагогом. Г.С. Виноградов познакомился с С.Н. Дурьиным в Томске в 1929 г.: С.Н. Дурьин там отбывал ссылку, а Г.С. Виноградов застрял в городе, направляясь из ставшего для него опасным Иркутска в Ленинград. В дальнейшем они находились в постоянной пере-

писке; Г.С. Виноградов неоднократно бывал в подмосковном с. Болшево (ныне в черте г. Королева), где в 1930-е гг. поселился С.Н. Дурьин и где в настоящее время существует его мемориальный дом-музей. Обоим ученым объединяло напряженное искание нравственных истин в религии. Намечена в фильме и тема «Г.С. Виноградов и Д.С. Лихачев».

Однако, как нам кажется, авторы недостаточно раскрыли тему «Г.С. Виноградов и М.К. Азадовский». Эта столь естественная для биографии Г.С. Виноградова тема по-настоящему возникает только в интервью К.В. Чистова (1995), которым воспользовались создатели фильма. Полагаем, что взаимоотношения двух выдающихся иркутян могли быть раскрыты более подробно и глубоко. О теплых, дружеских чувствах, которые питал М.К. Азадовский к Г.С. Виноградову, свидетельствуют письма периода Великой Отечественной войны. Выехав из блокадного Ленинграда в конце зимы 1941/1942 гг. и обосновавшись в родном Иркутске, М.К. Азадовский, как известно, начал восстанавливать эпистолярные связи со своими коллегами и учениками. 10 октября 1943 г. он с тревогой писал Г.С. Виноградову: «Вы единственный из моих друзей, от которого я не имею никаких вестей и с которым никак не связан; единственный, от которого за все время нашего самоизгнания я не получил никакой весточки»².

Последние кадры фильма приводят зрителя в дом на Васильевском острове, где жил Г.С. Виноградов, в Покровскую больницу (бывшую больницу им. В.И. Ленина), где умер ученый, на Шуваловское кладбище — место его последнего упокоения. Скромные могилы Г.С. Виноградова и Т.В. Инешинной, по счастью, сохранились. Фольклористическое сообщество знает их местонахождение, а теперь оно известно и благодаря фильму.

Ключевыми для понимания образа Г.С. Виноградова, на наш взгляд, могут быть слова С.Н. Дурьиного из его письма сыновьям ученого, прозвучавшие в фильме: «Я уже почти старик. Многих больших людей знал в своей жизни,

начиная со Льва Толстого, но ни в ком не видел такого сочетания прекрасного ума, честнейшей воли и золотого сердца, как в вашем отце. Его работы по детской поэзии драгоценны. Я говорю это как писатель, сам много думавший о детстве...»

Фильм «Странник» снят по заказу Министерства культуры и архивов Иркутской области. Замечательно, что Иркутск чтит своего земляка. Мы хотели бы обратить внимание российского фольклористического сообщества на опыт иркутян и, главное, указать на возможность продолжения работы в этом направлении — создание фильмов, посвященных выдающимся фольклористам. В настоящее время живы те, кто общался с В.Я. Проппом, К.В. Чистовым, Б.Н. Путиловым, Е.М. Мелетинским, Н.И. Толстым... Необходимо срочно запечатлеть их видеовоспоминания о наших великих предшественниках.

И еще одним вопросом я задаюсь после знакомства с фильмом. Мы знаем, где похоронен Г.С. Виноградов. А другие наши великие предшественники? Есть ли у нас полное представление о «фольклористическом некрополе»? Вот еще одна задача, стоящая перед наукой о «живой старине».

Примечания

¹ См.: Виноградов Г.С. «Страна детей»: Избранные труды по этнографии детства / Сост., био- и библиография А.В. Грунтовова; Подгот. текста и коммент. А.Ф. Некрыловой; архивные материалы В.В. Головина. СПб., 1998; Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири / Сост., авт. ст., указателей и коммент. О.А. Акулич, А.А. Сирина. М., 2009; Жуков К.С. Ученый, опередивший время: Историко-педагогический очерк о профессоре Георгии Семеновиче Виноградове. Иркутск, 2010.

² Жуков К.С. Указ. соч. С. 119.

Т. Г. Иванова,
доктор филол. наук, Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

КАТАЛОГ ЧЕШСКИХ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

J. Luffer. Katalog českých démonologických pověstí. — Praha: Academia, 2014. — 238 s.

Каталогизация фольклорных текстов разных жанров — одно из важнейших направлений в современной фольклористике, — несмотря на сравнительно небольшой объем работ, в последние годы не сдает

своих позиций. Благодаря печатным и электронным каталогам и указателям в научный оборот был введен огромный объем фольклорного материала. Форма каталога (указателя, индекса) оказалась востребованной специалистами, рабо-

тающими над систематизацией сюжетов и мотивов эпоса, сказок и несказочной прозы, поскольку открывает доступ не только к обширной базе содержательных единиц (сюжетов и мотивов) той или иной фольклорной традиции, но и дает возможность для сравнительно-типологических исследований. На сегодняшний день фольклористы имеют в своем распоряжении несколько сотен различных указателей региональных фольклорных традиций¹. Большинство из них учитывает в качестве основного материала традиционную сказку, вклю-

чая лишь попутно тексты сказочных легенд, исторических преданий и мифологических рассказов (как, например, сюжет в указателе ATU 813A, B — типичные сюжеты рассказов о демоне, который уводит детей, проклятых родителями / неосторожным словом). В нашем распоряжении есть указатель С. Томпсона², где перечислено множество мотивов мифологической прозы, но отсутствует ареальное распределение того или иного мотива и не учитывается особенность жанровых спецификаций фольклорно-мифологической прозы (справедливости ради скажем, что С. Томпсон и не ставил перед собой такой задачи). Данные проблемы уже поднимались и решались учеными. Приведем два впечатляющих примера. В середине XX в. финский фольклорист Л. Симонсуури, рассмотрев попытки создания классификационных систем фольклорной прозы, опубликовал свой указатель мифологических рассказов (*mythische Sage* — немецкий термин, который соотносится с английским *mythological legend*)³. В 15 рубриках этого указателя содержатся около 130 сюжетных типов. Рубрики построены как в соответствии с названиями и функциями финских и карельских мифологических персонажей, так и с учетом необычных и чудесных явлений в качестве топиков. К сожалению, опыт Л. Симонсуури и М. Яухийнен не был учтен в полной мере мировым научным сообществом. Существует и замечательный каталог типов литовских этиологических и мифологических сказаний — уникальная система, разработанная Б. Кербелите⁴. При детально разработанном языке описания (группы мотивов укладываются в рамку «цель действия — результат действия») указатель Кербелите дает исследователю возможность увидеть степень глубинной семантической связи между, казалось бы, совершенно различными текстами. Существуют указатели мифологической прозы русских — часть из них построена по персонажно-тематическому принципу (указатели быличек С. Г. Айвазян, В. П. Зиновьева⁵) — и славян (современный индекс мотивов к полесским текстам, составленный Л. Н. Виноградовой и Е. Е. Левкиевской и ориентированный на описание признаков и действий мифологического персонажа)⁶.

Каталог чешских демонологических рассказов, составленный чешским фольклористом Яном Луффером, стал очередным вкладом в дело систематизации славянской народной прозы. Составленный на основе нескольких тысяч текстов демонологических рассказов⁷, зафиксированных в печатных и архивных источниках XIX–XXI вв., каталог впервые представляет свод сюжетных типов чешской мифологической прозы.

Открывается книга серией очерков, посвященных народным рассказам как

жанру и истории собирания, изучения и каталогизации фольклорной прозы в Европе.

В первой главе «Народный рассказ: характеристика жанра» (с. 7–16) Я. Луффер рассматривает легенды, предания, мемораты (все эти жанры несказочной прозы объединяются понятием *lidová pověst*) с точки зрения текстовых критериев (содержание, форма, структура) и контекстных связей (правдивость/ достоверность, функции, дистрибуция; последняя предполагает особенности передачи текста для разных типов аудитории («свои» слушатели, дети, фольклористы-собиратели) и специфику устно-письменной трансляции, например, в Интернете).

Вторая глава «Каталоги народных сказок и рассказов» (с. 17–27) носит историографический характер и знакомит читателя с наиболее заметными достижениями в области систематизации фольклорной прозы в западноевропейской традиции, а также в Чехии и Словакии. Перечисляя опыты классификации Й. Поливки, Р. Кристиансена, Л. Симонсуури и М. Яухийнен, К. Горалека, Д. Климовой, Я. Луффер, к сожалению, не учитывает опыт систематизации литовских (Б. Кербелите), полесских (Л. Н. Виноградова и Е. Е. Левкиевская) и русских (С. Г. Айвазян) мифологических рассказов. Я. Луффер особо подчеркивает интернациональный характер идеи составления фольклорных указателей, напоминая о том, что создание международного каталога типов народных рассказов планировалось Международным обществом по изучению фольклорных нарративов (International Society for Folk Narrative Research) с самого начала его деятельности (1962). До сих пор этот масштабный проект не осуществлен, и каждая национальная традиция создает свои каталоги и указатели фольклорных сюжетов и мотивов, базируясь на собственной терминологической базе и принципах классификации.

Третья глава «Источники народных рассказов и их собиратели» (с. 28–36) также носит ознакомительный характер, в хронологическом порядке представляя историю фиксации и издания фольклорных текстов в различных чешских и моравских регионах, а также в Словакии⁸. Материал этих источников и стал основой для составления рецензируемого каталога. Источниками составителя также служили материалы рукописных коллекций из архива Академии наук Чешской Республики, а также материалы, опубликованные диалектологами (именно благодаря им в каталоге представлены региональные «демонологическая» лексика и терминология).

Завершают вводную часть книги список использованной литературы

(исследования, упомянутые в первых трех главах, с. 37–43) и раздел, в котором детально описаны методика составления каталога, его структура и приведен перечень указателей и источников, послуживших его основой (с. 44–53). На этом разделе остановимся более подробно.

Как указывает Я. Луффер (с. 44), в каталоге для обозначения самостоятельной сюжетной единицы используется понятие «тип» (в российской фольклористике — «сюжетный тип»). Автор подчеркивает и применение некоторых структурно-семиотических методов при использовании методологии финской школы фольклористики (с. 44), не раскрывая, однако, содержания этих методов.

Сам каталог охватывает 737 типов демонологических рассказов, объединенных в семь основных групп:

1. Человек и магия. Колдунья и профессия, связанные с магией, простец/дилетант использует магию, магические действия и средства.

2. Человек и судьба. Знамение, пророчество, предопределенная судьба, демоны болезни и смерти, перевоплощенная душа человека, нарушение табу, дьявол.

3. Человек после смерти. Ходячие покойники⁹ и погребение.

4. Сверхъестественные явления. Духи, призраки и «страхи».

5. Природные демоны, домовый дух, демонические животные и травы, наделенные особой силой.

6. Клады.

7. Анекдоты (пародийные рассказы).

Опишем внутреннее устройство каталога. Группы 1–4 и 6 построены по «типовому» принципу (каждый тип представлен определенной сюжетной ситуацией, например: 1.А.220 «Человек становится очевидцем полета чародея на драконе», 1.А.225 «Чародей с помощником летят на драконе в восточные земли», 1.А.230 «Чародей вызывает вихрь и дождь», 1.А.240 «Дракон чародея ранен»), а группа 5 имеет ярко выраженную «персонажную» структуру. Ее подгруппы составляют собственно демонологические персонажи — лесные, полевые и горные духи (дикая/лесная женщина, «полудница», горные духи «краконош» и «фабиан» и др.; в эту же подгруппу включен подменьш — видимо, потому, что основной сюжет, связанный с подменой детей, принадлежит «диким женам» и «полудницам»; присутствует тут и «мелюзина», персонаж, более связанный с книжной, нежели с фольклорной традицией), водяные духи, гномы, домашние духи, животные и растения со сверхъестественными свойствами. При этом сюжеты, связанные с этими персонажами, подаются через рубрики «Характеристика», «Внешний вид», «Действия и проявления» (аналогичные случаи встречаются и в группах 1–4 и 6:

II Обзоры, рецензии

например, по такой же схеме описаны колдун (*čaroděj*) в группе 1 и воплощение ночного кошмара — мора (*múra*) в группе 2. Подгруппа 5.Е организована почти по «словарному» принципу — в качестве «типов» в ней выступают названия животных (кошка, заяц, конь, змей и т.п.), т.е. по такой рубрикации трудно судить о сюжетах, связанных с этими персонажами. Растения, составляющие подгруппу 5.Е, вообще не персонифицированы, так как подгруппа включает рубрики «Проявления/деятельность трав», «Функции трав», «Ритуал сбора трав» (при этом сюжеты в основном группируются вокруг наиболее магических растений, известных в народной ботанике — разрыв-травы (*živá tráva*) и цветущего папоротника). Группа 7 делится на две подгруппы, — «Пародийные рассказы о колдовстве» и «Пародийные рассказы о страшилищах».

Наличие столь различных групп в классификационной сетке, отсутствие строгой системы внутри этих категорий ставит под сомнение использование автором структурно-типологического подхода, а разницей в названиях подгрупп вовсе размывает понятие сюжетного типа, ранее сформулированное Луффером: «отдельная/самостоятельная сюжетная структура, в которой варьирует ограниченное количество мотивных парадигм» (с. 9).

Внутреннее устройство чешского каталога имеет сходство с распределением финского материала в указателях Л. Симонсуури и М. Яухийнен. Достоинства этого подхода очевидны: внутри группы каждый тип рассказов имеет тройную индексацию: первая числовая позиция означает номер группы, вторая — номер подгруппы, третья — позицию для данного типа внутри подгруппы (например: 5.А.140 — «Дикая (лесная) женщина подменяет человеческого ребенка своим», где 5 — это основная тематическая группа «Природные демоны...», А — подгруппа «Лесные, полевые и горные духи», а 140 — порядковый номер сюжета в подгруппе А). Порядковая индексация организована «пятерками» (1.А.5, 1.А.10, 1.А.15 и т.п.), что делает структуру каталога открытой и дает возможность дополнять его новыми типами. Так, вполне возможно дополнение раздела, посвященного магической «черной книге», позицией, которая характеризовала бы сам артефакт (его внешний вид, особенности, происхождение)¹⁰.

В каталоге предусмотрена система перекрестных отсылок. Помета «см.» (*viz*) означает, что некоторые мотивы данного сюжета встречаются и в другом типе, к которому и дается отсылка. Помета «ср.» (*srov.*) указывает на типологически сходный сюжет (например, тип 5.А.60 «Дикая/лесная женщина одаривает человека за услугу волшебным золотом»

предлагается сравнить с типами 5.В.90 «Крестный у водяного» и 6.С.165 «Не представляющая ценности вещь превращается в золото»). Помета «сочетание» (*kombinace*) говорит о том, что данный сюжетный тип может контаминировать с другим типом (например, такую пару могут составить 5.В.90 «Крестный у водяного» и 5.В.85 «Человек в гостях у водяного»).

При рассмотрении конкретных сюжетных типов очевидно, что перекрестные ссылки могут быть гораздо подробнее, чем они представлены в настоящем издании. Так, представляется, что при описании типа 1.А.300 «Заклинатель туч» (владелец магической книги управляет погодой) излишней была бы отсылка типа «ср.» к типу 1.В.290 «Невольное чтение черной книги» (дети/жена владельца книги неумелым обращением с книгой вызывают тучу). Желательным (если не обязательным) было бы сравнение типа 5.Е.45 «Закрывать птичье гнездо» (способ добывания разрыв-травы) с типом 5.Е.35 «Разрыв-травы», описывающим свойства этого растения. На наш взгляд, предлагаемое сравнение типа 1.В.20 «Человек получает молоко из предмета» с типом 1.А.60 «Колдунья “доит” молоко из полотна», вполне можно заменить на «сочетание», поскольку эти два эпизода очень часто составляют единый сюжет¹¹.

Презентация каждого типа завершается указанием на наличие данного сюжета в международных каталогах и указателях, а также на источники (сборники текстов и т.п.), где данный тип зафиксирован. Перечень каталогов и источников вполне может быть расширен (надеюсь, что последующие издания будут гораздо подробнее в этой части). Особо хотелось бы видеть больше сравнительного материала по другим славянским традициям (например, польской или западноукраинской), поскольку некоторые типы, описанные в каталоге, имеют интересные сходения в этих традициях. Так, к типам 1.А.275–1.А.295 («Колдовская черная книга») и 1.А.300–1.А.325 («Заклинатель туч») яркие параллели могли бы составить материалы из региона Украинских Карпат. При описании типа 2.В.70 «Спящее в горé войско» обязательно должны были быть отмечены польские и среднесловацкие варианты¹² этого сюжета, тогда сразу наглядно проявится региональная (Судеты — Татры — Бескиды — Карпаты) специфика этой легенды. Польские параллели к типу 2.В.75 «Персонаж в некоем месте отмеряет время до конца света» позволили бы ввести данный тип в круг легенд о пророчице Сибилле¹³, популярных в католических регионах славянского мира. Указание на славянские (белорусские, польские) варианты сюжетного типа 5.А.357 «Игрушка великана» (ср. АТУ 701) уточнило бы

географию данного сюжета на фоне уже проанализированных вариантов из различных регионов Европы¹⁴.

Представляется, что каталог только выиграл бы, если бы был снабжен алфавитным индексом демонологических персонажей, фигурирующих в чешских легендах, преданиях и быличках. Такой перечень был бы очень полезен специалистам, занимающимся сравнительным изучением народной мифологии славян — он наглядно показал бы универсалии и раритеты чешской фольклорной демонологии.

Несмотря на указанные недочеты, не следует недооценивать масштаба проведенной Я. Луффером работы в рамках пока еще не реализованного проекта по составлению указателя семантических констант фольклорно-мифологической прозы. Отсутствие описания какой-либо локальной традиции зачастую ведет к в корне неверным выводам о природе мифологического, к односторонним обобщениям, построенным на крайне ограниченном материале. Для решения существующей проблемы необходимо создать универсальный указатель семантических констант, объединяющий хотя бы славянские традиции. Наиболее удобна для полноценного представления материала схема, учитывающая как семантические признаки мифологического персонажа (духи природы, домовые духи, магические специалисты), его акций (давить, душиить, помогать, предугадывать, принимать роды и др.), так и процесс идентификации данного персонажа носителями традиции — его признаки (хромой, косой, рогатый и т.п.). Содержательные элементы славянской мифологической прозы, организованные в систему, позволяют выявить эволюцию представлений о мифологическом персонаже в том или ином регионе (регионах), эксплицировать ранее скрытые взаимосвязи между мифологическими сюжетами и мотивами, что существенно скорректирует результаты научных исследований в этой области фольклористики.

Примечания

¹ Jason H. Motif, type and genre: a manual for compilation of indices and a bibliography of indices and indexing. Helsinki, 2000. (FFC; No. 273). P. 159–219.

² Thompson S. Motif-index of folk-literature. 6 vols. Copenhagen; Bloomington, 1955–1958.

³ Simonsuuri L. Typen- und Motivverzeichnis der finnischen mythischen Sagen. Helsinki, 1961. (FFC; No. 182). В 1998 г. этот указатель был дополнен М. Яухийнен (Jauhainen M. The type and motif index of Finnish belief legends and memorates. Revised and enlarged edition of Lauri Simonsuuri's Typen- und Motivverzeichnis der finnischen mythischen Sagen. (FFC; No. 182). Helsinki, 1998. (FFC; No. 267).

